

**«ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА НАД ДИ-ПИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ»:
ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
В АРГЕНТИНЕ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
И ПРОБЛЕМЫ РЕПАТРИАЦИИ В СССР**

М.Н. МОСЕЙКИНА

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10-1

В статье анализируются условия формирования новой волны русской эмиграции в Аргентине после Второй мировой войны, представленной так называемыми ди-пи – перемещенными лицами. Автор раскрывает позицию правительств латиноамериканских стран в вопросе выдачи перемещенных лиц СССР. Специальное внимание уделено анализу деятельности советских служб по репатриации граждан из Аргентины, показана степень эффективности и последствия этой деятельности для репатриантов.

После Второй мировой войны проблема беженцев и перемещенных лиц вновь оказалась в центре мировой политики. В литературе применительно к послевоенной эмиграции часто используется понятие «новая эмиграция», или «вторая послереволюционная волна». На наш взгляд, следует согласиться с доктором исторических наук Г.Я. Тарле, которая справедливо называет ее именно «третьей», а не «второй» волной, с учетом того, что дореволюционная массовая эмиграция была первой¹. Хронологически «новая эмиграция» определяется 1944–1950 гг. История этой волны русской эмиграции остается пока недостаточно исследованной проблемой в отечественной историографии. Определенный сдвиг намечился лишь в последнее десятилетие, когда отечественные исследователи (в их числе В.Н. Земсков, П.П. Полян, Э.Л. Нитобург, Ю.Н. Арзамаскин, Г.Я. Тарле и др.) обратились к истории репатриации в СССР, частично затронув при этом и историю послевоенной эмиграции на латиноамериканском континенте². Судьба перемещенных лиц в странах Латинской Америки прослеживается также через опубликованные воспоминания самих эмигрантов и реэмигрантов (Дм. Константинова, П. Шостаковского, Н. Бенуа и др.)³, советских послов⁴, эмигрантскую периодику.

Латиноамериканские страны были в числе государств, которые в соответствии с международными обязательствами решили принять на своей территории так называемых перемещенных лиц («ди-пи» – от англ. displaced persons). За это время произошли изменения в географическом распределении русских переселенцев, связанные с новым характером мировой политической обстановки и особенностями социально-экономического развития стран региона. Наряду с Аргентиной и Бразилией, где имелись соответствующие этнические гнезда славянской эмиграции, а право на сохранение языка и культуры осуществлялось благодаря объединению в диаспору, центрами проживания перемещенных лиц становятся Венесуэла, Уругвай, Колумбия, Эквадор, Чили и др.

Международная организация по делам беженцев и перемещенных лиц (The International Refugee Organization – ИРО)⁵, базировавшаяся в своей деятельности на

принципах «Декларации прав человека», исходила из трех возможных вариантов устройства судьбы перемещенных лиц: репатриация, интеграция в немецкую экономику и эмиграция.⁶ Третий вариант разрабатывался достаточно активно.

Известно, что членами ИРО являлись пять латиноамериканских стран – Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Гватемала, Доминиканская Республика. С 1948 г. в финансировании и в работах Подготовительного комитета ИРО принимали участие уже Боливия, Гондурас, Панама, Перу. Свое согласие принять к себе по несколько сот семейств выразили также Эквадор и Чили. В результате, в общем объеме размещения переселенцев Латинская Америка, по данным П. Поляна, имела 4,86 %, пропустив вперед только США, Австралию, Канаду, Израиль и Англию⁷.

С 1 июля 1947 г. по 31 декабря 1951 г. по программе помощи ИРО в 48 странах было расселено более 1 млн ди-пи, из них в Латинской Америке – 34 682 чел. По данным зарубежных исследователей, из Советского Союза в границах 1939 г. в этом переселении участвовало 41, 3 тыс. чел., в том числе 15 600 – в США, 2 700 – в Парагвай, 2 000 – в Венесуэлу, 2 000 – в Аргентину, 1 400 – в Бразилию. По другим данным, только русских и украинцев в Аргентине в те годы осело 4,4 тыс., в Бразилии – 6,4 тыс.⁸ Как видим, сохраняются значительные расхождения в определении численности прибывших на латиноамериканский континент ди-пи, учитывая, что многим в те годы пришлось скрывать свои фамилии, национальность и вообще жить по чужим паспортам. Еще сложнее дело обстоит с выделением по странам из общего числа переселенцев и беженцев этнических русских, которые, по данным В.Н. Земского и П.П. Поляна, в общем переселенческом движении за океан значительно (7 %) уступали украинцам (32,1 %), латышам (24,2 %), литовцам (14,0 %), эстонцам (13,0 %).

Первоначально правительства латиноамериканских стран соглашались принять небольшие группы переселенцев в качестве эксперимента, предполагая, как и большинство государств, использовать их в сельском хозяйстве и промышленности в качестве рабочих строительных специальностей, трактористов, механиков, инженеров для освоения глубинных районов своих стран. При этом в Аргентине, как отмечал один из ди-пи Д. Константинов, согласие президента Перона принять российских эмигрантов первой и второй волны было актом не только гуманным, но и политическим. «Перон, – пишет Константинов, – хотел, впустив в страну послевоенную эмиграцию, приобрести ценное пополнение для различных секторов аргентинской экономики и одновременно идеологически устойчивые элементы, противостоящие коммунизму»⁹. В их числе оказались власовцы, андерсовцы, солдаты 1-ой Русской Армии генерала Хольмстона-Смысловского, члены Национально-трудового союза (НТС) и др.

На территории западных зон Германии и Австрии действовали специальные комиссии по вербовке в Аргентину, Бразилию, Венесуэлу с участием представителей этих стран и Межгосударственного Комитета по делам беженцев. К маю 1947 г. был закончен первый набор в Аргентину: сюда выехали 363 чел. (главным образом сельскохозяйственных рабочих с семьями), еще 122 – были отправлены в июне месяце¹⁰. В Венесуэле первые беженцы из Германии (850 чел.) появились также летом 1947 г. Венесуэла привлекала перемещенных лиц тем, что здесь предпочтение отдавалось семейным группам, в то время как многие страны в течение первых месяцев принимали исключительно нужных им рабочих, не допуская семей. Г.Г. Волков (председатель Объединения русских кадетов в Венесуэле в 1990-е гг.) вспоминает: «Нам... сказали, что Венесуэла принимает не только молодых, но и стариков, т.е. наших родителей, к тому же она не предъявляет никаких требований к профессиям. Все это, я думаю, повлияло на то, что многие поехали в эту страну»¹¹.

Несмотря на то, что агенты латиноамериканских государств активно работали в зонах оккупации, ситуация с выездом представляла немалые трудности, начиная с бюрократических проволочек при оформлении документов работниками ИРО. Подтверждением тому могут служить обнаруженные нами в архивных бумагах фонда Ф.М. Легостаева два машинописных листа воспоминаний одного из «ди-пи» (не указавшего своего имени) в Мюнхене, который предварил свой рассказ словами «Издательства над ДИ ПИ продолжаются». Как видно из записей, этот человек, имевший высшее образование (специальность преподавателя) и работавший плотником в немецкой строительной фирме, получил из Венесуэлы разрешение на въезд в страну и контракт на работу плотником. Для отъезда ему потребовалось сделать ряд прививок (от оспы, тифа), подготовить не менее 18 фотографий, наконец, сдать специальный экзамен в немецком союзе плотников для подтверждения своей квалификации.

Без сертификата о специальности для русских переселенцев оказалось невозможным выехать на работу по контракту. Автор записки вместе с еще двумя товарищами по несчастью (заметим, профессиональными плотниками) вынужден был в течение нескольких месяцев ходить по инстанциям в надежде сдать экзамен в немецком союзе плотников. Основным препятствием являлось незнание ими немецкого языка и бюрократические проволочки ИРО с предоставлением этим людям переводчика. Даже работа на немцев в годы войны и в немецкой строительной фирме, обслуживавшей американские оккупационные учреждения в послевоенный период, не являлась для работников ИРО достаточным аргументом в пользу выдачи этим людям разрешения на выезд¹².

О подобных бюрократических проволочках сообщалось также в специальном меморандуме Центрального представительства российской эмиграции в американской зоне Германии, направленном в адрес сентябрьской Ассамблеи ИРО. В нем, в частности, говорилось, что «отдельные эмигранты и эмигрантские общественные организации, благодаря своей инициативе и энергии сами нашедшие себе страны, которые согласились их принять в качестве переселенцев и давно выслали им соответствующие разрешения на въезд, неизвестно почему до сих пор не вывозятся. Несколько тысяч разрешений на въезд в Аргентину и Парагвай долгими месяцами лежат неиспользованными и без всякого движения»¹³. Следует учесть при этом и достаточно затратные расходы на перевозку переселенцев за океан. Так, в среднем одна поездка в Южную Америку (морским путем) обходилась в 250 долл., воздушным – 298. Тем не менее именно воздушный транспорт все больше применялся для перевозки перемещенных лиц, в силу того, что, с одной стороны, невозможно было зафрахтовать достаточное количество пароходов, с другой, – из-за получавшейся экономии в расходах на питание и снабжение переселенцев.

ИРО обращался к благотворительным и церковным объединениям, а также некоторым специальным организациям, созданным еще по инициативе Ф. Нансена в 1922 г., для оказания содействия расселению, но в основном в индивидуальном порядке. В их числе были: Всемирный Христианский Союз, Всемирный Совет объединенных Церквей, Всемирная Организация Помощи Студентам, Всемирная Организация Здравоохранения (взявшая на себя заботу о расселении 2 000 врачей и многих тысяч врачей-стоматологов, медицинских сестер и других представителей медперсонала).

Параллельно с деятельностью ИРО активное участие в судьбе переселенцев принимал Архиерейский Синод Русской зарубежной церкви, созданный в 1946 г. Переселенческий комитет под председательством отца Г. Грабе. В частности, в Мюнхене через свои приходы в Южной Америке, Синод ходатайствовал о приеме большого количества перемещенных лиц в Аргентину. Советский представитель по

репатриации в Голландии майор Перегудов сообщал 18 января 1947 г. о прибытии в Роттердам парохода «Волендам» компании Голландия-Америка, который направлялся в Гамбург для погрузки 2000 менонитов из Литвы, Эстонии и Украины с целью вывоза их в Аргентину. Одновременно стало известно, что воздухоплавательными кампаниями были заключены контракты на перевозку 3 800 ди-пи в Венесуэлу.

Глава Русской православной церкви в Аргентине протоиерей К. Изразцов встречался с президентом страны Хуаном Доминго Пероном, во время встречи с которым просил разрешения на въезд в страну 25 тыс. русских перемещенных лиц¹⁴. В августе 1947 г. о. К. Изразцов обратился также к А.Л. Толстой – руководителю Толстовского фонда в США, имевшему свои отделения в Латинской Америке, с просьбой об изыскании 50–60 тыс. долл. для постройки временных бараков для прибывавших на латиноамериканский континент переселенцев. На 1 июля 1947 г. в толстовском фонде было зарегистрировано 49 групп (около 10 600 чел.), направлявшихся в Южную Америку и Канаду. За счет пожертвований, собиравшихся фондом, русским ди-пи частично оплачивались визы и переезд. Сбором средств на оплату виз русским беженцам, переселявшимся, в частности, из Италии в Аргентину, занималась лично А.Л. Толстая, благодаря которой в 1965 г. здесь же был открыт старческий дом «Санга Рита».

Аргентинские власти по просьбе эмигрантских организаций выделяли перемещенным лицам участки для поселения, при этом размещали их компактно и главным образом в провинции Буэнос-Айрес. Например, были выделены участки в Вила Диаманте, где разместились 2 000 чел. из перемещенных лиц, в г. Кальмес были созданы две русские колонии по 70 домов в каждой, в г. Вижа Флоренция Варела разместилась колония перемещенных лиц – выходцев из Западной Украины и т. д.¹⁵

Часть беженцев прибывала на американский континент с Дальнего Востока (главным образом из Маньчжурии и других районов Китая). Среди них особенно много было детей и женщин, потерявших мужей после 1946 г. В 1949 г. в связи с эвакуацией около пяти тысяч русских беженцев из Китая и временным размещением их в лагере для перемещенных лиц на филиппинском острове Тубабао, было принято «Обращение русских иерархов к правительствам мира» и персонально к Президентам Аргентины, Бразилии, Венесуэлы, Перу с просьбой оказать содействие в расселении этих людей в своих странах. По сведениям Н.В. Моравского, в 1949 г. в Южную Америку иммигрировало более сотни тубабаовцев, часть из которых в индивидуально-семейном порядке выехала в Аргентину, Бразилию, Чили; в групповом порядке – в Парагвай, Доминиканскую республику, Суринам¹⁶. В странах приема первыми помощь переселенцам традиционно оказывали русские православные приходы, по мере возможности облегчая процесс адаптации для вновь прибывших.

Препятствием на пути переселения перемещенных лиц в латиноамериканские страны были активно распространявшиеся слухи о наличии в их среде скрытых и явных коммунистов, что у правительств латиноамериканских государств и особенно тех, кто после войны разорвал дипломатические отношения с СССР (в их числе, Бразилия, Чили, Колумбия, Уругвай, Перу), вызывало чрезмерную настороженность. Хотя при этом существовали опасения и другого порядка – боязнь испортить отношения с СССР из-за проблемы ди-пи. Властям ряда латиноамериканских стран приходилось учитывать достаточно сильную просоветскую «фрону», сложившуюся за годы войны в рядах славянской эмиграции¹⁷. Ее участники, и в первую очередь выходцы из Галиции и западных губерний старой России, под влиянием собы-

тий Второй мировой войны участвовали в движении солидарности с СССР, что на Западе оценивалось как проявление «советского патриотизма, который стал массовым явлением, охватившим почти всю славянскую часть этих стран». Большевизм или по крайней мере советофильство, как писалось в то время в изданиях «Посева», стало неотъемлемым свойством каждого славянина – украинца, поляка, серба, не говоря уже о коренных русских, которые просто идентифицировались с коммунистами¹⁸.

Наряду с техническими и политическими затруднениями, осложнявшими разрешение проблемы ди-пи, существовали и другие, касавшиеся судьбы отдельных групп переселенцев. В частности, остро стоял вопрос об устройстве лиц так называемых интеллигентных профессий – наиболее политизированной части перемещенных лиц, составлявших 10 % (вместе с членами семей – 30 %) от общей численности ди-пи, а также нетрудоспособных. После того, как выяснилось, что все государства предпочитали получить иммигрантов исключительно для сельского хозяйства и промышленности, 21 октября 1947 г. на очередном заседании ПК ИРО в Женеве впервые был поставлен вопрос о «разверстке», согласно которой, страны-реципиенты обязаны были принимать в числе ди-пи и неработоспособных, а своим февральским 1948 г. решением ИРО обязал принимающие государства обеспечивать право на семейную эмиграцию. Однако эти решения так и не были приняты многими странами к обязательному исполнению. В результате расселение интеллигенции оказалось одним из самых сложных вопросов в урегулировании проблем послевоенного беженства.

Так, в Аргентину визы выдавались лицам не только «благонадежным», но и обязательно физически здоровым, причем не старше сорокапятилетнего возраста. В составе каждой семьи, переезжавшей в Аргентину, один человек обязательно должен был быть трудоспособным. Для чего для каждого въезжавшего выдавалась медицинская справка о состоянии его здоровья, а перемещенные лица, отправлявшиеся в Аргентину, дважды подвергались медицинскому осмотру (первый – перед выдачей визы и посадкой на пароход и второй раз – на рейде по прибытии парохода в порт Буэнос-Айрес) на предмет годности приехавших к физическому труду¹⁹. Лицам, имевшим специальности врача, дантиста, акушера, адвоката и проч., разрешений на въезд в Аргентину не выдавалось. С теми же, кто все-таки получал визу, сразу возникали трудности юридического характера: в частности, специалисты-врачи не могли получить права практики, не сдав государственного экзамена в данной стране. Врачи, фармацевты и прочий медицинский персонал должны были нострифицировать свои дипломы. Теоретически это относилось и к представителям остальных интеллигентных профессий (юристы, журналисты, учителя), но практически и у них было мало шансов найти работу по специальности в силу переизбытка интеллигенции в самой стране. Для этой категории лиц, желавших получить хоть какую-то работу, открывались курсы (включая языковые) по подготовке специалистов по наиболее востребованным техническим специальностям (радиотехника, автомеханика, шофера и т. д.).

В начале 1949 г., на основе правительственного декрета № 1162, специальная комиссия отсеивала всех нежелательных ей эмигрантов, отбирала для въезда в страну тех, кто скрывался от репатриации. В результате на латиноамериканский континент попали власовцы, андерсовцы, бывшие полицейские, военные преступники.

В ноябре-декабре 1951 г. в Брюсселе на Международной конференции по вопросам эмиграции (с участием представителей 23 стран) была создана новая организация – Временный Межправительственный комитет для переселения эмигрантов из Европы (с бюджетом в 31 млн. долл., из которых 9 млн. были ассигнованы США). После январской 1952 г.

Международной конференции в Бельгии по вопросам оказания помощи беженцам правительства ряда латиноамериканских стран, выполняя решения этой конференции, принимали меры по облегчению въезда перемещенных лиц из Западной Европы в свои страны. Так, парагвайское правительство выделяло специально для перемещенных лиц по 4 га расчищенной от леса земли с поставленными на ней домами²⁰. Аргентинское правительство специальным декретом (за № 3409 от 20 февраля 1952 г.) обязало осуществлять аргентинскими пароходами бесплатную перевозку в страну до трех иммигрантов²¹. Хотя параллельно с этим декретом были опубликованы новые правила иммиграции (декрет за № 3721), согласно которым иммигранты направлялись только вглубь страны, въезд в Буэнос-Айрес был запрещен, запрет распространялся также на зону в 100 км от столицы²². К концу 1952 г. из Аргентины приходили сообщения о том, что власти страны уже не допускают въезда в страну перемещенных лиц в массовом количестве, за исключением итальянской и испанской эмиграции. Перемещенные лица могли теперь въезжать в страну лишь по вызову либо по просьбе других лиц, проживавших в Аргентине.

Советская сторона, осуществлявшая с 1944 г. политику репатриации своих граждан, выступала против отправки беженцев и перемещенных лиц в другие страны, связывая это с тем, что, во-первых, так могли уйти от правосудия военные преступники и предатели, а, во-вторых, что этих людей обрекали на нищету и всякого рода дискриминации. В связи с этим СССР не признал юридически ИРО, назвав данную организацию «инструментом англо-американской политики», «поставщиком дешевой и бесправной рабочей силы в капиталистические страны»²³.

Представители Управления Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации²⁴, действовавшие в Европе, стремились всячески воспрепятствовать отправке за океан своих граждан. Так, зам. уполномоченного по делам репатриации генерал-лейтенант Голубев в докладной записке на имя зам. министра иностранных дел А.Я. Вышинского 8 января 1948 г. просил МИД потребовать от итальянского правительства возвращения отправленных в Аргентину людей, прекращения дальнейшей отправки советских граждан в другие страны и немедленной передачи СССР всех советских граждан, находившихся в Италии». Одновременно звучала просьба «дать распоряжение послу СССР в Аргентине учесть всех отправленных советских граждан из Италии и западных зон Германии и Австрии и потребовать от аргентинской стороны их передачи нам»²⁵. Итальянские власти после отправки в Аргентину парохода, на котором находилось несколько сот человек советских граждан, заявили советским представителям, что они арестовали 15 человек, оговорив при этом, что в дальнейшем «смогут передавать коллаборационистов только после предоставления решения советского суда, которое, в свою очередь, должно рассматриваться судом Италии»²⁶.

Зарубежная деятельность Управления Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации охватывала практически все страны мира. В основу его работы было положено распоряжение о представителях Уполномоченного (а с 1955 г. – комитета «За возвращение на Родину») при посольствах и миссиях СССР, а также оперативные указания Управления. Наряду с заграничными представительствами или группами этого ведомства (а также с участием Славянского комитета СССР, ВОКСа) поисками советских граждан за границей занимались непосредственно сотрудники посольств и дипмиссий. Поскольку в странах Латинской Америки специальных групп Управления Уполномоченного по репатриации не было, то основная нагрузка пала на посольских работников, которые, однако, как показал исследуемый материал, не имели ни полномочий, ни достаточных средств для ведения подобной работы за границей (только в июле 1949 г. в аппа-

рате посольства Аргентины появился специальный человек – Д.А. Мишин в качестве атташе помощника представителя Уполномоченного по репатриации).

Точными данными об общей численности перемещенных лиц в Аргентине советские работники на тот момент не располагали. В официальных документах часто приводились сведения, почерпнутые из местной прессы, в которой называлась цифра в 10 000 человек, основная масса которых прибыла в период с 1946 по 1950 г. Кроме того, по сообщению посла СССР в Аргентине М.Сергеева зам. министра иностранных дел В.М. Молотову от 8 мая 1947 г., в Аргентине проживало около 10.000 бывших чехословацких граждан – уроженцев Закарпатской Украины (карпаторусов), вошедшей в состав УССР, которые обращались в посольство с запросами о своем гражданстве, так как местные чехословацкие представители не считали их более чехословацкими гражданами. Регистрации в качестве советских граждан на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1940 г. подлежали также более 30 000 бывших литовских граждан, проживавших в этой стране. Консульский отдел советского посольства в Вашингтоне в 1940 г. отказывал им в регистрации, ссылаясь на то, что их национальные литовские паспорта были просрочены. В связи с отсутствием советских представительств в Южной Америке в момент издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1940 г. в послевоенный период консульским службам предстояло вторично проводить регистрацию литовцев.

На начало 1950 г., по данным Управления по делам репатриации и советских посольств, из 450 тыс. советских граждан, подлежащих репатриации, в Бразилии находилось – 5–10 тыс. чел., в Аргентине – 6 тыс., в Парагвае – 4 тыс., в Венесуэле – 2,6 тыс. человек. По приблизительным данным, 50 % всех перемещенных советских граждан являлись выходцами из Прибалтийских республик, 40 % – украинцы, преимущественно из Западных областей Украины. Оставшиеся 10 % советских граждан составляли белорусы, русские и представители других национальностей²⁷.

В 1951 г. (с июля по сентябрь) в Аргентину, по советским источникам, продолжали прибывать трижды (группами по 250 человек) перемещенные лица по направлению ИРО. К концу года количество прибывавших в страну ди-пи резко сократилось. Посольские работники неоднократно ставили перед МИД Аргентины вопрос о предоставлении в распоряжение советской стороны списков перемещенных лиц, привезенных в Аргентину, настаивали на оказании содействия в их репатриации, ссылаясь на резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 12 февраля 1946 г., в которой отмечалось, что «главная задача в отношении перемещенных лиц заключалась в том, чтобы поощрять их скорейшее возвращение в страны их происхождения и содействовать этому возвращению всеми возможными способами».

Но между СССР и странами Латинской Америки никаких соглашений по вопросам репатриации не существовало. Единственным документом, на который советская сторона могла ссылаться, требуя предоставления интересующей ее информации, являлось уже упоминавшееся решение Генеральной Ассамблеи ООН 1946 г. о беженцах и перемещенных лицах. Следует заметить при этом, что в Уставе ИРО было записано, что беженцы и перемещенные лица, имевшие веские аргументы против возвращения в страны своего происхождения, не будут принуждаться к возвращению на родину, что служило «юридическим инструментом, отменявшим действие и действительность тех репатриационных принципов, что были заложены в Ялтинском договоре»²⁸. В дальнейшем в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о беженцах, принятой в феврале 1956 г., эта идея была подтверждена.

Свою роль в негативном отношении латиноамериканских властей к процессам репатриации сыграло и то, что, вслед за США, многие из них не признали факта включения Прибалтийских республик в состав СССР, в результате, например, в Уругвае продолжал осуществлять свою миссию в качестве посланника представитель эмиграционного литовского правительства в США – Граужинис, а интересы «эстонского и латвийского правительств» представляло здесь английское посольство. Эта часть литовской эмиграции активно сопротивлялась процессам репатриации, ведя открытую антисоветскую контрпропаганду с использованием местной печати, радио. В итоге из 3 тыс. литовцев, которые проживали в Уругвае, за девять месяцев после опубликования «Указа Президиума Верховного Совета СССР о регистрации выходцев из прибалтийских стран в качестве советских граждан» (от 30 марта 1948 г.) зарегистрировалось лишь 266 чел.²⁹

В свою очередь, советские репатриационные органы через посольские службы занимались распространением своей пропагандистской литературы (популярна была, например, пьеса С.Михалкова «Я хочу домой»), публикацией обращений и заявлений правительств союзных республик, писем и статей репатриантов в просоветской эмигрантской печати (в Аргентине это были – «Наша газета» (на русс. яз.), «Знания» (на белор. яз.), «Тевине» (на литов. яз. и др.). Среди форм, которые практиковались посольствами в работе с бывшими соотечественниками, были личные встречи. Эта деятельность советских служб расколола в очередной раз российскую эмиграцию на сторонников и противников возвращения (среди невозвращенцев, которых в литературе еще называют «западниками», были в основном жители Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии, Северной Буковины).

Активную кампанию, направленную на борьбу с репатриацией, в Аргентине в те годы развернули также белоэмигрантские организации, такие, как «Дело русских белых эмигрантов», «Славянское научное общество в Аргентинской республике», «Православный русский очаг», Российский Красный Крест, «Российский общевосточный союз», «Союз российской молодежи», «Суворовский союз», Русская православная церковь в Аргентине. Кроме того, в движении за невозвращение ди пи на родину большую активность проявляли организации украинских (УПА, ОУН), литовских, армянских националистов.

Сотрудники советского посольства в Аргентине признавали, что ведение работы по репатриации среди этих, как они их называли «сильно разложившихся, политически запуганных и терроризированных враждебными СССР организациями и аргентинскими властями» людей, было чрезвычайно трудным делом, а в отношении значительной части – бесперспективным³⁰.

Как известно, репатриация была обязательна только для советских граждан. Все прочие (включая белоэмигрантов) репатриации не подлежали. Исключение делалось лишь для тех желающих вернуться в Советский Союз, кто в годы Второй мировой войны занял просоветскую позицию, участвуя в антифашистском движении, а также тех, кто являлся членом национальных компартий. Но наибольшее количество обращений шло от простых тружеников – крестьян и рабочих, так и не сумевших социально адаптироваться к новым условиям проживания. Среди них наибольшее число составляли бывшие крестьяне, завезенные в этот регион в 1920-е гг. на работу по колонизации сельвы и на кофейных плантациях. Это были в основном выходцы из Бессарабии, Польши, Прибалтийских стран, получившие разрешение на возвращение и ответившие на главный вопрос анкеты репатрианта: «Почему вы решили вернуться на родину? Есть ли у вас родственники в Советском Союзе? Есть ли у вас родственники за границей?». Особую активность

в связи с начавшимся процессом репатриации проявляла многочисленная армянская колония, представители которой проживали в отдельных странах Латинской Америки: в Аргентине (до 10 тыс армян), Бразилии (до 7–8 тыс.), Уругвае (около 6,5 тыс.)³¹. Армяне в основном занимались мелкой торговлей, некоторые из них на тот момент были достаточно состоятельными, потому армянская (в отличие от славянской) колония располагала внутренними средствами для оплаты расходов по репатриации. В г. Сан-Пауло был организован комитет по оказанию помощи в репатриации армян в Советскую Армению.

Учитывая социальный состав основного контингента репатриантов, посольства предлагали организовать массовый выезд советских граждан на родину, поскольку при индивидуальном оформлении дел на выезд большинство потенциальных репатриантов не было способно оплатить дорогостоящий проезд на родину. В случае разрешения массовой репатриации предполагалось организовать специальные рейсы советских пароходов за репатриантами либо использовать пароходы, совершавшие регулярные рейсы в Аргентину и другие страны Южной Америки, и таким образом можно было, как считалось, перевезти около 4–5 тыс. чел. вместе с детьми.

Посол СССР в Бразилии Я.З. Суриц в докладной записке в МИД СССР от 6 января 1947 г. сообщал, что дела по регистрации граждан в странах Латинской Америки находились в полном беспорядке: среди переданных из Уругвая 1200 ходатайств о приеме в совгражданство имелись дела, которые были начаты еще в 1939 и 1940 гг., но до того момента эти ходатайства не были отправлены в Москву. Большинство дел имело 3- и 4-летнюю давность. Из-за царившей в делах путаницы многие граждане оформляли ходатайства по 2–3 раза, каждый раз платили консульский сбор и производили другие затраты. В ряде случаев, признавал Суриц, граждан вводили в заблуждение, заверяя в том, что их ходатайства были направлены в Москву на рассмотрение, в то время, как дела, лежали несколько лет без движения³². Советский посол сетовал по этому поводу: «Недостатки в работе Консульского отдела дискредитируют Посольство и наносят ущерб престижу Советского Союза в глазах местного населения»³³.

В докладной записке Я.З. Сурица в МИД СССР от 28 марта 1947 г. содержались предложения упростить требования к предъявляемым при регистрации документам, т.к. проживавшие в странах Латинской Америки эмигранты не продлевали своих национальных паспортов со времени въезда в страну, многие прибывали без паспортов, по метрикам, семейным спискам и другим документам. Соответственно единственным доказательством происхождения этих эмигрантов служили «удостоверения личности для иностранца», которые выдавались управлением по регистрации иностранцев³⁴. Зачастую при выдаче этих удостоверений у иностранца отбирались национальные паспорта или другие национальные документы. Посольства просили разрешение проводить регистрацию по предъявлению просроченных национальных паспортов, свидетельств о рождении, военных билетов и других документов, удостоверяющих личность и происхождение регистрируемого, в том числе удостоверения личности для иностранца.

Но в целом, как свидетельствуют документы, в 1946–1951 гг., большого успеха работа по репатриации в странах Латинской Америки не имела. Отправка репатриантов на родину через океан задерживалась. С 1948 г. людей, если и отправляли, то небольшими партиями – по 5–10 человек. К 1956 г. положение стало меняться. К этому времени произошла смена методов репатриационной деятельности в СССР и была создана новая организация «Комитет за возвращение на Родину» (под эгидой КГБ). После принятия постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР (от 6 января 1955 г.) об амнистии перемещенных лиц был подписан указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амни-

стии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны» (за исключением карателей). Постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР от 29 июня 1956 г. «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей» положения сентябрьской 1955 г. амнистии распространялись на военнопленных, отказавшихся от коллаборационизма. Благодаря принятым документам, был дан новый импульс для ведения активной пропаганды среди эмигрантов за их возвращение через рукописные письма, газету «За возвращение на Родину», ежедневную радиопередачу³⁵.

Уже в конце 1955 г. начался выезд людей из Аргентины в СССР (по 30–40 человек) на обычных пароходах, совершавших регулярные рейсы Аргентина-Италия (дальнейший маршрут был различен: часть попадала в СССР через австро-венгерскую границу, другая ехала через Ригу и т. д.). 25 марта 1956 г. на пароходе «Энтре Риос» уехало 782 чел. – жителей Аргентины, Уругвая, Парагвая. 1 июня этот же пароход вторым рейсом увез 780 чел., 28 июня на пароходе «Санта Фе» выехало 613 чел. и 11 июля на пароходе «Сальта» в Одессу оправилась группа в 1 025 чел. После этого крупных отправок не было (на пароходе «Кориентес» прибыло 80 чел. и еще 120–150 было доставлено другими пассажирскими пароходами). Всего таким образом, по некоторым данным, через Аргентину в СССР выехало к концу 1950-х гг. около 4 000 чел. (по данным аргентинских газет – 3 000 иммигрантов русского, украинского и белорусского происхождения)³⁶. Возвращавшиеся расселялись главным образом за Уралом – в Казахстане, Сибири и, по понятным причинам, не всегда могли вернуться к своей прежней профессии.

Таким образом, «третья волна» русской эмиграции в страны Латинской Америки, и в Аргентину, в частности, носила во многом политический характер и отличалась от первого и второго эмиграционного потоков социальным составом, степенью и условиями адаптации, характером отношения к СССР и его власти. В результате с прибытием новой волны переселенцев на латиноамериканский континент в политическом плане значительно пополнилась та часть эмиграции, для которой была свойственна, по определению Д. Константинова, «последовательная неприимчивость к большевизму»³⁷, переросшая накануне и в годы войны в симпатии к Германии, с которой связывались надежды на освобождение России от «коммунистического интернационала»³⁸. Неспособность вновь прибывших эмигрантов из Европы пользоваться языком доминирующего этноса вызвала у них потребность в создании различных институциональных центров (русскоязычных школ, общественных и культурных объединений, корпоративных организаций и т. д.). При этом меньшая задействованность политических интересов в русской диаспоре в этот период вела к более тесной культурной и бытовой внутриобщинной жизни эмигрантов (хотя политические барьеры и разница в социальном положении продолжали разделять русскую диаспору еще многие годы). Состав перемещенных лиц, внешне-неполитический курс латиноамериканских стран, помноженный на страх и опасения людей возвращаться обратно, сводили к минимуму эффективность работы советских репатриационных структур на континенте. Лишь улучшение политического климата в стране в период хрущевской оттепели позволило советским властям несколько изменить ситуацию с реэмиграцией. На Западе среди противников репатриации массовый выезд из Аргентины середины 1950-х гг. характеризовался как крупный советский успех, который был призван «возместить провал работы "Комитета за возвращение на родину" ген. Михайлова»³⁹ в других странах и выполнить запланированную цифру возвращенцев за счет едущих из Аргентины»⁴⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Тарле Г.Я.* Причины и условия формирования новой волны российской эмиграции во время и после Второй мировой войны (Историографический аспект) // Адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.): Исторические очерки. – М., 2006. – С. 288.

² *Земсков В.Н.* Рождение «второй эмиграции» (1944–1952) // Социологические исследования. – 1991. – № 4; *Он же.* Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) // Социологические исследования. – 1995. – № 5/6; *Он же.* Спешпоселенцы в СССР. 1930–1960. – М., 2003; *Полян П.П.* Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. – М., 1996; *Он же.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине/ 2-е изд. – М., 2002; *Нитобург Э.Л.* Русские «перемещенные лица» в США: история и судьбы // Новая и новейшая история. – 2001. – № 4; *Арзамаскин Ю.Н.* Заложники второй мировой войны. Репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. / Серия: Российская историческая военно-политическая библиотека. – М., 2001; *Тарле Г.Я.* История российского зарубежья: термины; принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. – М., 1994. – Кн.1 – С. 16–24; *Она же.* Судьбы российских эмигрантских диаспор в годы II мировой войны // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XX–XX вв. – М., 2001. – С.71–90; *Она же.* Причины и условия формирования новой волны российской эмиграции во время и после Второй мировой войны (Историографический аспект) // Адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.): Исторические очерки. – М., 2006. – С. 288–341; и др.

³ *Константинов Д.В.* Через туннель XX столетия. – М., 1997; *Шостаковский П.* Путь к правде (Воспоминания). – Минск, 1960; *Бенуа Н.* Сорок три года в разлуке // Простор. Алма-Ата, 1967. – № 9, 10, 12; и др.

⁴ *Сергеев М.* С Родиной в сердце // Скульптор ЭРЪЗЯ. Биографические заметки и воспоминания. – Саранск. 1995. – С. 125–203.

⁵ Международная организация по делам беженцев и перемещенных лиц (The International Refugee Organization – ИРО) (июнь 1947 – декабрь 1951) со штаб-квартирой в Женеве. Все функции ИРО (с января 1952 г.) были переданы Управлению Верховного Комиссара ООН.

⁶ *Полян П. П.* Жертвы двух диктатур... – М., 1996. – С. 320.

⁷ Там же. – С. 322.

⁸ Там же; *Vernant J* The Refugee in the Post-War World. – New Haven, 1953. – P. 56, 85, 968; *Нитобург Э.Л.* Русские «перемещенные лица» в США: история и судьбы. – С. 16; *Хорев Б.С., Чапек В.Н.* Проблемы изучения миграции населения: Статистическо-географическое исследование. – М., 1978. – С. 101.

⁹ *Константинов Д.В.* Через туннель XX столетия. – С. 421.

¹⁰ АВП РФ. – Ф. 076. – Оп. 9а. – Папка 105 (далее: П.) – Д. 1. – Л. 2–3.

¹¹ *Волков Г.Г.* Полвека русской колонии в Венесуэле // Латинская Америка. – 1997. – № 11. – С. 85.

¹² ГА РФ. – Ф. Р-10015. – Оп. 4. – Д. 11. – Л. 3–4.

¹³ *Полян П. П.* Жертвы двух диктатур... – М., 1996. – С. 321.

¹⁴ АВП РФ. – Ф. 070. – Оп. 19а. – П. 117. – Д. 2. – Л. 2.

¹⁵ Там же. – Л. 3.

¹⁶ *Моравский Н.В.* Остров Тубабао. 1949–1951. Последнее пристанище российской дальневосточной эмиграции. – М., 2000. – С. 91.

¹⁷ Переселение Ди-Пи (Что надо знать каждому Ди-Пи). – Мюнхен, 1948. – С. 13.

¹⁸ Там же. – С. 13.

¹⁹ Там же. – С. 15.

²⁰ АВП РФ. – Ф. 070. – Оп. 19а. – П. 117. – Д.2. – Л. 18.

²¹ El Cronico Commercial. – 2.03.1952 // Там же.

- ²² El Cronico Kommercial. 22.02.1952 // Там же.
- ²³ Полян П. П. Жертвы двух диктатур... – С. 322.
- ²⁴ Управления Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран (октябрь 1944 г. – март 1953 г.). Руководитель – генерал-полковник Ф.И. Голиков, ранее возглавлявший Главное разведуправление Советской Армии.
- ²⁵ АВП РФ. – Ф. 070. – Оп. 16. – П. 106. – Д. 16. – Л. 2.
- ²⁶ Там же. – Оп. 19а. – П. 117. – Д. 2. – Л. 2.
- ²⁷ Там же. – Оп. 18. – Д. 12. – П. 112. – Л. 20, 39.
- ²⁸ Полян П. П. Жертвы двух диктатур... – М., 1996. – С. 324.
- ²⁹ АВП РФ. – Ф. 076. – Оп. 9а. – П. 105. – Д. 1. – Л. 36.
- ³⁰ Там же. – Оп. 18. – П. 112. – Д. 12. – Л. 21.
- ³¹ Там же. – Оп. 8. – П. 101. – Д. 9. – Л. 4.
- ³² Там же. – Оп. 9а. – П. 105. – Д. 3. – Л. 6.
- ³³ Там же. – Д. 1. – Л. 7.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Полян П. П. Жертвы двух диктатур... – М., 1996. – С. 328, 332.
- ³⁶ Аргентинская репатриация (По материалам Аргентинского Отдела СБОНРа). – Мюнхен, 1956. – С. 6; 4.
- ³⁷ Константинов Д. Через туннель XX столетия. – С. 391.
- ³⁸ Так в Аргентине оказались: В.А. Харламов – историк, археолог, казачий общественный деятель, организатор Казачьего союза и Антикommунистического центра в Буэнос-Айресе; И.Л.Солоневич – создатель Российского Народно-Монархического (Штабскапитанского) движения в Аргентине и др.
- ³⁹ Комитет за возвращение на Родину был создан в Восточном Берлине в начале 1955 г., после упразднения в марте 1953 г. Управления Уполномоченного при Совмине СССР по делам репатриации. Руководитель – отставной генерал-майор и бывший военнопленный Н.Ф. Михайлов.
- ⁴⁰ Аргентинская репатриация... – С. 6–7.

THE FORMATION OF A NEW WAVE OF EMIGRATION IN ARGENTINA AFTER THE SECOND WORLD WAR AND THE PROBLEMS OF REPATRIATION IN THE USSR

M.N. MOSEYKINA

Department of Russian History
Peoples Friendship University of Russia
10-1, Miklukho-Maklay Str., Moscow, 117198 Russia

In this article there is an analysis of the conditions of formation of a new wave of Russian emigration in Argentina after the Second World War, which is presented by so-called DP's – the displaced persons. The author investigates the position of the Latin American countries in relation to the issue of giving the displaced persons of the USSR back. The special attention is given to the analysis of activity of the soviet services in repatriation of the citizens from Argentina, there is also shown the degree of efficiency and consequences of this activity for the Soviet citizens-repatriates.